

От «Великого зарева» до котлет

XVIII век — такой век, на котором история государства России, о чем как бы сплотнулись, и мне кажется, даже лучшие профессионалы-историки не сумели еще раскрыть его странное своеобразие, — что ж тут

Екатерина II и перестройка

спрашивать с художников-кинематографистов! Они делали то, что было в их силах: как могли, осветили Петра Великого; показали, разумеется, Пугачева когда-то А. Тегер, осмеяв, являлся за ядро, за культурный и политический центр века-эпохи, за правление Екатерины II: центром века, его словом, определившим весь его облик, было именно ЭТО правление. Его утвердил смысл, его утвердили все judgments истинности пути, на который насталив Россию Петр I, а

Век был игров и так похож на наш...

САТАРИНА

развития мысли Петра. Сию миссию и взяла на себя Екатерина — быть вторым, горюет, трудней, чем быть первым; и Екатерина создала себя именно как Sekunda. Вторая так на памятники Petero Petro, Петру Первому, она начертать и велела. Начинает инициаторы — первые. А удел вторых — сочинять, развивать, воплотить их замыслы, понимая на себя ответственность за дело основоположника.

Почему монархи любят охоту?

ников, втайне, может быть, пытаясь их превзойти, но при этом ежедневно, ежеминутно чувствуя: окружающие скептически сомневаются в том, от кого они грандиозное наследство свое, и претензии приходится прятать, таить под личиной смирения. Убежден, что Сталина — второго — представлял призрак Ленина — первого; и, конечно, не только эти объясняют его марш: свирепость по отношению к соратникам, союзникам Ленина, но и эти она объясняет

Любовь жертв и жертвы любви

есть тоже. И еще: всякий первый естественен, а на роль его преемника претендентов бывает много; тут граница неясна. «Царская охота» в постановке Виталия Мельникова — новелла из жизни Екатерины II. В фильме есть приключения за рубежом и на

родине, пытки и зрелища, любовь и политика. Российского, даже как бы нарочно одно на другом. И, однако же, именно в этом смысле «Царская охота» — почтеннейший новаторский фильм.

вторгшись в традицию кинематографистов. Мы с 30-х годов привыкли: классический исторический фильм — это прежде всего фильм о каком-нибудь правом сражении, повелось так к «Петра I» Владимира Петрова, с «Алексиандра Невского» Сергея Эйзенштейна, с «Суворов» Василия Пудовкина. Исторический фильм, он — о внешней политике, поэтому он вневечно всегда и повсюду: греки или же немцы, убитые, раненые, посрамленные, разбитый войс. Уж таким

мы привыкли воспринимать исторический фильм, и таким он складывается издавна, производя в отдаленной для него кинозрительке: был в Москве кинотеатр «Палас», а в 30-е годы ему дали название уже без всяких затей: — «Кинотеатр историко-революционный фильм». Он торчал на Пушкинской площади, там, где Ленин, жакнердовно змея, сидел с котлетой. Но за помпезностью, наваяв людям моего

поколения несвеселые думы: началось с «Великого зарева» Михаила Чиаурели, а кончается охраняемой миллионами очередь за полметра хлеба с котлетой. Но за помпезностью, а в наполненные акстазом 30-е годы сформировался канон исторического исторического кино. Сей канон варьировался, конечно. Но ломается он только теперь, и в масштабе истории кинематографии «Царская охота» — это как-то шутка ли, расстаться с каноном сложившимся и пытаться заложить

какие-то новые принципы, благо материал для этого найден просто блестятельно. Сатарина Sekunda, Екатерина II, Великая Екатерина Великая? Застарелое наше, давнее: показать величие как-то нам не дается, а тем более величие парадоксальное, такое, когда,

по словам Герцена, «правительство, будучи деспотическим и революционным одновременно, должно вляло своим народом, а не тащилось за ним». И, имея в виду европейский историк, Герцен далее утверждает, что «политика Екатерины II перенести в русское законодательство принципы Монтескье и Божкарта, изгнавша почти всюду из Европы, ее переписка с Вольтером, ее связи с Дидро еще более подкрепляли в их глазах реальность этого редкого явления». Посвятив этому акции Екатерины — свидетельство ее редкой умственной интуиции: вероятно, она ближе всех российских правителей подвинула Россию к единственному устройству, которое ей подходит, — к просвещенной монархии. Но в восприятии потожом сложилось мнение, что «политика на правые идеи тогдашней переловой Европы, дескать, была лицемерием. Говорить о политическом усилении императрицы, будучи уже принято с каким-то злорадством да, Вольтера почитывала, а востание Пугачева подавила, Радищева сослала в Сибирь, а Шестовского, жалва было, было и Пугачев, и Радищев, и тот же Шестовский, талантливо представляющий «Царскую охоту», артистом Александром Романовым, — полицейский интеллигент, человек-кошка, отглаженный для публики, а за спиной швей-заговорщиков. Но и величие было, и, сто тысяч раз оговариваясь, погосиравшая истражила за беззаконств, все же можно ска-

зать именно она, государыня-матушка, принесла в империю идюю широкую ее парадокс, но моя, думаю, втайне желанной многими, но никогда не осуществлявшейся в огромной стране просвещенной монархии (монарх мог бы принять любой политический псевдоним, называвшийся председателем совнаркомов, охотился, первоначально, как секвестаром, лишь бы суть сохранилась: генерировать всемирные идеи в сфере экономики, политики, культуры, искусства, при этом верность национальным традициям). Что-то вроде просвещенной монархии было при Ленине — благословенный зал, от сии затея и вошла в народную память в виде некоего Эльдорато, на звере которого выстелены, и подавление Кронштадта и деспотическое владомство, симметричных тайной канцелярии приспосабливаемого Шестовского. В учреждении кала, возможно, и выражается глубинное величие Ильича, но предостережения его было Екатерина II с ее «царской охотой».

Ключ к изображению величия на сцене или в кино нами безвозвратно утерян. Уж чего-то не пыталась предать мать и талант Николая Черкасова просто-таки степен, растворившись в Александре Невском и в Иване Грозном; и Максим Штраух Ленин в «Человеке с ружьем» с выходящим на сцену, а в «Восходе солнца», кокетничая; и Борис Щукин в том же облик девочки с кошечками на колени себе сажал, молоко для нее в кастрюльке кипятит («Ле-

и просто не чудается, не стесняется милошамки блага (говоря о политическом величии; Рублев в исполнении Анатолия Солоницына у Андрея Тарковского — особ статус). Нет великих идей в жизни, так откуда же им вляться на сцене? И Светлана Крючкова играет никак не великую, мечтательницу на троне, но вполне удалось ей изобразить более простенького; играет она настоженную и венно некоему да боюшору превращающему дела Петра, продолжая которое выпало женщине-инзолеке, провадывая о том, что подкардывалась с ней солоничка.

Есть в «Царской охоте» доля серьезного размышления о судьбах истории, продолжателе. И здесь не просто нарек на смутные наши годы, а выявление антреренной связи их с прошлым. Есть в нем попытка заставить нас обратить внимание на странный XVIII столетия: век был игров, был он веком скасардов, мистификации, ржеки императрицы, и в то же, что и Емельян Пугачев должен был выступать в обличье... супруга Екатерины (об этом забывают, ставя его в ряд со Стеленом Разиным, но разница между ними громадна). Кстати пришлось подсказанная литераторы — пьесой Леонид Зорин — метафорой охоты. Охота как эпизод иконной царевой потахи, в XVIII веке уже европеизированная, поставленная для развлечения лучших королевских дворов Европы, и охота как политическая акция по заманиванию, поимке и устранению соперников: это одна дамы, на сей раз самоотверженного юного существа, честолю-

биво и детской доверчивого — такою играет легендарную княжну Тараканову Анна Самохина.

Политика и охота соприкасаются в жизни странно и неуклонно: политика, вплоть до самоназначенных, горады тошеть себя охотой, и нам еще предстоит узнать немало любопытных подробностей из жизни охотника Ленина, из охотничьих подвигам Брежнева, Бухарин со своим незададо до гибели, до оглушительной мрачной смерти своей, как известно теперь, отравился на охоту в горы, аж в Среднюю Азию. Почему-то крупные политические азартные охотники в жизни. Зачем это им? Есть тут какая-то тайна, по-своему очень глубокая. Может быть, в звере, в прелюдении, попытке подослательно нахвата, возможности расправиться с дублером врага своего? Унив врага в облик зверя, политик как бы выключается от него? А может, себя в прелюдении звере он хочет увидеть, и своеобразно это гадание сбывается, ибо суд над тем же Бухариным был завершенным охоты за ним, охоты со всеми ее атрибутами, ловушками, улопоканем досажки, загонщиков и, наконец, с задержанием в некую волюшину? Правитель — охотник. Но практика и потенциальная жертва, Охотился царь. Но и на зверя же охотились, и уже Павел I родной сыночек Екатерины, пад жертвы той охоты, которая велась в XIX веке и закончилась в XX, в июле, в Екатеринбурге: царь загнал себя в угол и отважно добился личных залпаи.

Анна Самохина играет жертву

Анна Самохина играет жертву

царской охоты, нежну и любозноту. Но жертва-то она жертва, а, улыбаясь ей удача, охотником бы оказалась она; и тогда недоборвать бы Екатерине Великою: быть бы ей в подвалах, в мышеловке, в канкане, а на троне российский стало бы еще одной дамой больше. Юная княжна на троньяле в апогее счастливой любви получилась у молодой актрисы, по-моему, естественнее, чем у Леонова, в ужасе пыток. Здесь сталкиваются еще с одной проблемой актерской игры: униженности, растоптанности нравственности, даже прост вульгарная телосная растарзанность даются не менее трудно, чем царственные аристократические величие. Играют умишка Бухенвальда, полоним, играют красноречивцев-военнопленных августа 1941 года. И лица небриты, и куртки, полосатые мотышки, а видишь, что актеры сегодня как бы то ни было плотно перекусили, на съёмочную площадку приехали на своих «Жигулях», и тронные полосатые одеяния да протерты до дыр гимнастерки у них — из студийного декората, а лица — разве лишь отпечатком нынешней злопотной повседневности немного отмыченны. И не получается у них страдания, что ж, впрочем, а вдуать в это в конечном-то счете хороший признак? И не значит ли это, что котя и величия нет в нашей жизни, и что глубокое страдание не в ней? Оно, конечно, с нескрой высшей религиозной точки зрения это изьян: великое страдание ощущает и народ, и отдаленного человека. Пусть так, но сей раз самоотверженного юного существа, честолю-

ОХОТА

Поэтому и на экранах лучше уж будем снисходительно терпеть добросовестную игру в страдание. Словом, нет жизненной, социально-психологической основы для того, чтобы быть в «Царской охоте» обозначены полосу: величие — на одном, страдание — на другом. Но в предельном возможном фильме получится. И станет он точкой, углом, от которого в самые разные стороны потянутся разные разные линии; и фильмом о внутренней политике государства, давнего, но в чем-то соотносимой и с нынешней; и фильмом о любви на события прошлого; и фильмом, в котором для нас, потомков, история представит просто-напросто развлечением. И пусть представит XVIII столетие развлекает нас в той же мере, в какой мы сегодня, развлекимся, ноуд одним на другом и по-иному друг друга охотясь, развлекаям наших потомков из XXII столетия.

ЦАРСКАЯ ОХОТА
По мотивам одноименной пьесы Леонид Зорин
«Ленифильм» объединение «Голос» при участии ЮО «Союзкинофильм» (СССР), «Барьер» (Чехо-Словакия), «Экспериментфильм» «Видза» (Италия)
Автор сценария: Леонид Зорин
Режиссер-постановщик: Виталий Мельников
Оператор-постановщик: Юрий Векслер
Учредитель-постановщик: Елена Мельнич
Композитор: Эдисон Денисов